

БИБЛЕИЗМЫ КАК ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Сюжеты, цитаты, крылатые выражения библейского происхождения называются «библейзмы». Они получили достаточно широкое распространение в европейских языках, религией которых является христианство. Библейзмы мы слышим в устной речи, встречаем на газетной полосе, страницах художественных произведений. Но что же следует понимать под библейзмом? В основном, в работах отечественных лингвистов, а также в словарях библейзмов под библейзмами традиционно понимаются фразеологические единицы, афоризмы или крылатые фразы из Библии. Е.М. Верещагин полагает, что это «отдельные слова..., устойчивые словосочетания, целые выражения и даже фразы, восходящие по своему происхождению к Библии, которые или заимствованы из Библии, или подверглись семантическому воздействию библейских текстов, в том числе не ассоциируемые с ней в современном языковом сознании» [4, с.97]. Он также отмечает, что библейзмы обладают семантической и стилистической маркированностью (переносным значением, повышенной экспрессивностью, принадлежностью к книжному стилю). В русско-английском словаре религиозной лексики А.А. Азарова библейзм рассматривается как «слово или оборот речи, заимствованный из Библии» [1, с.83], а в большинстве словарей лингвистических терминов понятие библейзма отсутствует. В нашем исследовании мы выделяем две группы библейзмов: *библейзмы – фразеологические единицы* и *библейзмы – слова*, а также *группу слов религиозного происхождения или религиозной лексики*.

Исследования *библейзмов – фразеологических единиц* достаточно популярны в лингвистике. Многие исследователи [5, 7, 9, 12, 15, 16, 17] считают, что библейзмы – фразеологические единицы (ФЕ), как и все ФЕ, обладают следующими дифференциальными признаками: устойчивостью, воспроизводимостью, семантической целостностью при структурной раздельнооформленности. А также отмечают, что большинство библейзмов – фразеологических единиц носят интернациональный характер, т. е. имеют свои эквиваленты во многих языках и являются фразеологическими интернационализмами. Однако Л.Г. Мягкова [15, 16] полагает, что БФ, обладая всеми параметрами ФЕ отличается от них тем, что содержат в своей семантике ссылку на источник, указание на первичный контекст. Таким образом, представляя собой «цитируемые фразы, в которых четко проявляется дополнительный смысл ссылки на источник» [15, с.61]. О.М. Чигирева [18] отмечает, что за библейской фразеологией (БФ), которая вошла в современный русский язык из древнерусского, стоит не столько выражение мироощущения и духа народа, сколько стремление постичь христианство, как новую религию и проповедать ее народу. Согласно ее исследованию, на заимствование выражений из Библии в древнерусскую эпоху влияет частотность их употребления в текстах писания, актуальность значения фраземы (отрясти прах (неверия) с ног своих), художественная выразительность, близость к фольклорным художественным средствам. Со временем идея проповеди христианских истин перестает быть актуальной, какой она была в период принятия христианства, а само выражение все более отдаляется от библейского контекста, становясь единицей фразеологического фонда языка.

Кроме библейзмов – фразеологических единиц также широко употребительны и библейзмы-слова. Мы предлагаем следующую классификацию *библейзмов-слов*:

1. *Библейзмы-имена собственные* (антропонимы) достаточно употребительны в любом языке, религией которого является христианство. Библейзмы-антропонимы представлены двумя основными классами:

- 1) мужские имена;
- 2) женские имена.

* © Н.В. Климович, Красноярский государственный университет, 2006.

В языке данные имена собственные становятся именами нарицательными, например: ирод, каин, Самсон, хам; употребляются в составе библеизмов-фразеологических единиц: Ветхий Адам, Соломоново решение, петь Лазаря. Л.Г. Мягкова отмечает, что, входя в состав «фразеологизма имя собственное служит выразителем свойств и характерных признаков, присущих носителям этих имен в тексте-источнике. Имена собственные в составе ФБ (фразеологических библеизмов) уникальны, поскольку обозначают единичное лицо или объект. Они обнаруживают тесные связи со своими единичными денотатами» [16, с.130]. Верещагин [4] считает, что полная освоенность русским языком библейских имен служит показателем влияния Библии на русский язык и культуру. Достаточно много подобных библеизмов-слов до сих пор функционируют в языке как имена собственные. Как в русском, так и в английском языках мы встречаем такие имена, как Даниил (Daniel), Илья=Илия (Elijah), Мария (Mary, Maria), Матфей (Matthew) и др., которые являются библейскими именами собственными. В английском языке тенденция называть детей именами героев библейских сюжетов развита больше, нежели в русском.

2. *Библеизмы-топонимы* – географические названия, упомянутые в тексте Священного Писания также подразделяются на следующие виды:

- 1) ойконимы (названия населенных пунктов): Вавилон, Назарет, Содом и др.;
- 2) гидронимы (названия водных объектов): Иордан, Галилейское море и др.;
- 3) оронимы (названия особенностей рельефа: горы, холмы, возвышенности): Голгофа, Сион и др.

Библеизмы-топонимы также могут входить в состав фразеологизмов: Вавилонское столпотворение, Иерихонские трубы и т.д. Не входя в состав библеизмов-фразеологических единиц, библеизмы-топонимы в устной речи, в художественной литературе, а также на страницах газет и журналов зачастую употребляются в переносном смысле, а также используются в качестве аллюзий – косвенных ссылок на какой-либо библейский сюжет.

3. *Библеизмы-религиозные реалии* – слова, используемые в практике отправления религиозных обрядов и наименовании предметов церковного обихода, а также наименования божественных существ. К ним относятся крещение, елей, миро, алтарь, ангел и др. Законы служения Богу, правила отправления религиозных обрядов, а также специальные правила для священников и их семей прописаны в самом тексте Священного Писания. Таким образом, те слова, которые используются в современном языке для наименования предметов церковного обихода и в практике отправления церковных обрядов, зафиксированы в Библии и считаются библеизмами.

Слова и выражения, не являющиеся библеизмами и также используемые для наименования предметов церковного обихода и при отправления церковных обрядов, являются словами религиозного происхождения.

Слова религиозного происхождения, или *религиозная лексика*, составляют самую обширную группу слов. К данной группе слов, по определению А.А. Азарова [1], относятся слова и сочетания слов, возникших на почве основных религий мира: христианства, мусульманства, буддизма, иудаизма и др., в которую входит лексика, употребляемая в практике отправления религиозных обрядов, в работах по архитектуре культовых сооружений, иконописи, прикладному искусству, истории религии, а также имена святых, богословов, известных религиозных деятелей, названия религиозных праздников, религиозная атрибутика и т.д.

Данные слова, по мнению В.В. Кабакчи, служат для наименования так называемых культуронимов – то есть «языковых единиц, выступающих в качестве элементов обозначения мировой культуры» [10, с.7], которые в свою очередь подразделяются на полионимы – культуронимы, являющимися универсалиями в мировой культуре (в религиозной теме к ним относятся такие слова, как «религия», «вера» и т.д., то есть универсальные элементы любой религии); идионимы – культуронимы, специфичные для внутренней культуры данного языка (в русском языке это такие слова, как «кулич», «иконостас» и др.) и ксенонимы – языковые единицы данного языка, используемые в качестве наименований элементов внешних (иноязычных) культур. Среди религиозной лексики особое место занимает группа религиозных слов христианского происхождения, то есть слов и выражений, возникших на основе христианской религии и имеющих непосредственное отношение к тексту Священного Писания, как ее основе. К ним относятся слова, обозначающие какие-либо реалии, свойственные христианской религии в общем и используемые различными конфессиями в частности. Религиозные слова христианского происхождения по частоте использования и количеству лексических единиц одни из наиболее широко употребительных в группе слов религиозного происхождения.

В тексте, как уже было отмечено, библеизмы используются в составе пословиц и поговорок: не судите сами, да не судимы будете; не рой другому яму; оформляются как цитаты из текста Священного писания:

«Take hold of shield and buckler and stand up for mine help» (Т.Драйзер «Американская трагедия») а также в качестве аллюзий – косвенных ссылок на какой-либо исторический, литературный, мифологический факт: It was such an Evaless paradise (Т.Драйзер «Американская трагедия»).

Таким образом, представляя в тексте косвенные (аллюзии) или прямые (цитаты) ссылки на библейские сюжеты, библеизмы в тексте являются интертекстуальными компонентами, так как, по определению интертекстуальных компонентов Г. Денисовой, представляют собой «цитаты, хранящиеся в памяти говорящего, которые сознательно или несознательно вводятся как «осколки» другого текста» [8, с.14].

В.А. Лукин отмечает, что цитата – одно из основных понятий теории интертекстуальности, и «поскольку художник создает текст в процессе диалога с другими текстами, с культурой вообще, понимаемой также как текст, всякий художественный текст состоит из цитат или иными словами является интертекстом» [14, с.69].

Исследования интертекстуальности и интертекста достаточно популярны на современном этапе развития лингвистики. Начало исследований было положено такими учеными, как Р. Барт [3], Ю.Н. Караулов [11], М.Л. Гаспаров [6]. На современном этапе развития лингвистики исследованиями интертекстуальности занимаются В.А. Лукин [14], Н.А. Кузьмина [13], Г. Денисова [8], И.С.Алексеева [2]. Исследователи считают, что любой текст способен вступать в диалог с другими текстами и наша языковая деятельность осуществляется как непрерывный поток цитаций, черпаемой из конгломерата языковой памяти. По определению Н.А. Кузьминой [13], *интертекст* – это «объективно существующая информационная реальность, являющаяся продуктом творческой деятельности человека, способная бесконечно самогенерировать по стреле времени» [13, с.20], т.е. интертекст – явление языка в его креативной функции, обеспечивающей способность языка не только адекватно передавать готовые сообщения, но и создавать новые сообщения (тексты).

Р. Барт считает, что каждый текст является интертекстом, другие тексты присутствуют в нем на разных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. «Текст сплошь соткан из цитат, отсылок, отзвуков. Он образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат – из цитат без кавычек» [3, с. 418]. Н.А. Кузьмина отмечает, что онтологическое свойство любого текста, а прежде всего художественного, определяющее его вписанность в процесс литературной эволюции, есть *интертекстуальность*. То есть художественное произведение становится текстом тогда, когда актуализируется его интертекстуальность. Однако актуализация текста невозможна без участия человека (автора или читателя), таким образом, Н.А. Кузьмина дает следующее определение: «интертекстуальность – это глубина текста, обнаруживающаяся в процессе его взаимодействия с субъектом» [13, с.26], и высказывает гипотезу о том, что интертекстуальность служит критерием эстетической ценности текста, а если произведение не обладает этим свойством, то оно не имеет шансов войти в литературу. Таким образом, интертекстуальность – это способность текста накапливать информацию не только за счет непосредственного опыта, но и опосредованно, извлекая ее из других текстов. Если интертекст – это объективно существующая реальность, то интертекстуальность – ее глубинное измерение.

Н.А. Кузьмина отмечает, что в разные моменты времени текст может быть *метатекстом* и *прототекстом*, где метатекст – текст о тексте, текст «второй степени», тогда как прототекст – базовый текст, с опорой на который создается метатекст. Прототекст и метатекст, по мнению Н.А. Кузьминой [13], являются функциональными разновидностями текста, как субстанции интертекста, где прототекст – первичный/базисный текст, а метатекст – вторичный/производный текст.

Ю.Н. Караулов использует термин «прецедентный текст», понимая под ним «тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные окружению данной личности, включая и предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно дискурсе данной языковой личности» [11, с. 216]. Термин «прецедентный текст», по нашему мнению, можно считать синонимом термина «прототекст», так как прецедентный текст также базовый текст, опора для создания других текстов.

В.А. Лукин [14] считает, что к прецедентным текстам относятся не только цитаты из художественных произведений, отвечающие требованиям (1)-(3), но и мифы, предания, устнопоэтические произведения, притчи, легенды, сказки, анекдоты и т.п. Прецедентным текстом может быть и имя собственное. Например, в произведении Теодора Драйзера «Американская трагедия», мать главного героя, узнав о совершенном им преступлении, восклицает: «О Absalom, my Absalom», отсылая нас к библейскому сюжету смерти самого любимого сына царя Давида – Авессалома.

Г. Денисова, вслед за Ю.Н. Карауловым, использует термин «прецедентный текст», определяя его как «всякое крупное явление данной национальной культуры, которое известно абсолютному большинству ее носителей и отсылки, апеллирование к которому относительно часто осуществляется в речи носителей, которые являются понятными, легко дешифруются адресатами речи» [8, с.219]. В число прецедентных текстов, по ее мнению, входят литературные произведения, произведения других искусств, а также заметные события текущей общественно-политической и культурной жизни.

Ю.Н.Караулов [11] делит прецедентные тексты на две группы:

- 1) тексты историко-национального характера (т. е. постоянно востребованные, отвечающие критерию «мест памяти» и, как правило, включенные в канон школьного и университетского образования);
- 2) тексты актуально-оперативного характера (т. е. соотносимые с настоящим и актуальным для широкого круга носителей в данный момент).

Г. Денисова считает, что существуют так называемые сильные и слабые тексты. Она отмечает, что данные типы текстов одинаково участвуют в формировании коллективного когнитивного сознания представителей определенной лингвокультурной общности и различие между ними заключается лишь в их активности бытования в социуме. Любой текст (не обязательно художественный) может стать сильным в какой-то фазе

своего развития, и совершенно непредсказуемо, какой именно текст войдет в национальную энциклопедию, а какой будет забыт. Г. Денисова делит сильные и слабые тексты на следующие группы:

- 1) сильные художественные тексты, становящиеся в результате частого востребования прецедентными;
- 2) слабые художественные тексты;
- 3) сильные (прецедентные) нехудожественные тексты (тексты реклам, песен, лозунги, анекдоты, политическая публицистика, политические слоганы и т. д.);
- 4) слабые нехудожественные тексты (которые, тем не менее, могут становиться сильными при изменении условий восприятия) [8].

Таким образом, только «сильные» тексты могут считаться прецедентными.

По нашему мнению, Библия относится к сильным художественным текстам, становящимся в результате частого востребования прецедентными, так как согласно делению прецедентных текстов Ю. Н. Караулова, является прецедентным текстом историко-национального характера, поскольку на протяжении нескольких веков Библия была включена в канон школьного и университетского образования. Кроме того, будучи прецедентным текстом, Библия известна абсолютному большинству носителей многих национальных культур. А отсылки и апеллирования к тексту Священного писания достаточно часто осуществляются в речи носителей той или иной культуры, религией которой является христианство. Таким образом, согласно классификации текстов Н.А. Кузьминой, Библия служит прототекстом, то есть базовым текстом, на основе которого было написано множество художественных произведений на различных языках.

Поскольку каждый текст – ткань, сотканная из старых цитат, данные цитаты хранятся в памяти говорящего, и он оперирует ими как готовым блоком при создании и интерпретации высказывания. Эти цитаты, которые сознательно или несознательно вводятся как «осколки» другого текста, стали интертекстуальными компонентами. Г. Денисова отмечает, что речь, в которой присутствуют интертекстуальные компоненты, всегда маркирована стилистически, поскольку интертекстуальные компоненты, вследствие частого использования «теряют актуальную связь с источником, превращаясь, таким образом, в речевые стереотипы» [8, с. 222]. По мнению В.А. Лукина, подобные цитаты понимаются иначе и конкретнее – «как такая часть текста, которая изначально является частью другого текста, интегрированная заимствующим текстом в его структуру, выполняющая функции локальной и, возможно, глобальной связности» [14, с. 69]. Н.А. Кузьмина относит к цитатам «все «готовые» единицы языка: крылатые выражения, пословицы, поговорки, фразеологические единицы, штампы, равно как и то, что называется цитатами в классической риторике, – дословная выдержка из какого-либо текста» [13, с. 96]. Таким образом, цитация, согласно определению, данному Н.А. Кузьминой, – это процесс энергообмена между прототекстом и метатекстом, а цитата в широком смысле понимается как «интертекстуальный знак с высоким энергетическим потенциалом, позволяющий ему продвигаться во времени и пространстве интертекста, накапливая культурные смыслы, и тем увеличивая имплицитную энергию. Общая энергия интертекстуального знака цитаты постоянно высока, его Q (соотношение имплицитной и эксплицитной энергии) изменяется в каждый момент времени в зависимости от степени востребованности знака, его резонанса с читателями, приводящего к изменению имплицитной энергии» [13, с. 99].

Н.А. Кузьмина также отмечает неоднозначное соотношение цитаты и аллюзии и описывает аллюзию как «неполную», «осколочную» цитату. Аллюзию она понимает как «референцию к миру с его реалиями, а цитату – как референцию, опосредованную другим текстом» [13, с. 98].

При цитировании Н.А. Кузьмина разграничивает три типа коммуникативных ситуаций:

1. Цитата для автора – цитата для читателя. Это тот случай, когда нет сомнений в преднамеренности (и, соответственно, осознанности) действия, поскольку существуют текстовые маркеры цитации – ксенопоказатели, в самом тексте или в эпитекте (эпиграфе, заглавии, посвящении, примечаниях). В.А. Лукин также считает, что данные цитаты будут формально отличаться от заимствующего текста (выделяться кавычками, курсивом, разрядкой). Отличия будут и в семантическом плане, так как цитаты, вводя в текст новые референты, будут тематически отличаться от заимствующего текста:

“Thou art my bulwark and my strength. In Thee will I trust”

T. Dreiser «American Tragedy»

“If ye have faith as a grain of mustard seed...”

T. Dreiser «American Tragedy»

“Ask, and ye shall receive; seek, and ye shall find; knock, and it shall be opened unto you. For every one that asketh, receiveth; and he that seeketh, findeth; and to him that knocketh it shall be opened. For what man is there of you whom, if his son ask bread, will give him a stone, if he ask fish, will give him a serpent”

T. Dreiser «American Tragedy»

Существуют и формально-семантические отличия – цитата может быть приведена на иностранном языке:

Castigo corpus melm.

D. Brown «The Da Vinci Code»

В семиотическом плане специфика цитаты заключается в том, что она отсылает получателя к заимствованному тексту и далее, уже через него, к тому или иному референту. В.А. Лукин [14] считает, что в зависимости от объема (от одного слова до целого текста) цитата может приобретать еще и свойства условного знака: чем больше объем цитаты, тем больше будет характеризующий ее потенциал, который позволяет отнести ее как целостный знак к условным, и отмечает, что определяющее свойство знака цитаты заключается в способе обозначения – через отсылку к тексту-источнику. Он отмечает, что данная цитата может находиться в любой части текста и цитатой может быть любой фрагмент текста (в том числе и заголовок). Например, роман Фрэнка Перетти «Пророк» (Prophet) или глава произведения Джордж Элиот «Адам Беде» The Preaching.

Кроме цитат (и цитат-заглавий) к интертекстуальным компонентам В.А. Лукин относит и цитаты-эпиграфы, которые, по его мнению, составляют подавляющее большинство эпиграфов вообще. «Эпиграф – это цитата, которую автор ставит перед всем произведением или отдельными его разделами» [14, с. 143]. Согласно В.А. Лукину, эпиграф соотносится с последующим текстом, как целым, отличаясь от заглавия тем, что его связность с текстом, как правило, чисто семантическая. Повтор эпиграфа в тексте всегда «заметнее» любого другого, потому что эпиграф – явная цитата, и ее очень трудно растворить в тексте, гораздо труднее, чем цитаты-заглавия. Поэтому, по утверждению В.А. Лукина, эпиграф является «самой интертекстуальной» позицией текста. Предельная интертекстуальность эпиграфа обусловлена еще и тем, что он в большинстве случаев представлен из текста либо классического, либо весьма авторитетного и известного широкой аудитории, к такому тексту мы относим Священное Писание. Оpoznать такую цитату не составляет труда для среднего получателя, поэтому она всегда «на поверхности», всегда очевидна. Например, эпиграф-цитата из Библии к роману Фрэнка Перетти «Пророк» (Prophet):

“You will know the truth,
and the truth will set you free.”
(JOHN 8:32)

Под этим углом зрения, по мнению В.А. Лукина, эпиграф предстает как прецедентный текст.

Н.А. Кузьмина [13] выделяет шесть групп источников эпиграфов:

а) Пословицы, поговорки, цитаты из фольклорных произведений (песен), афоризмы. По мнению Н.А. Кузьминой, это самая большая группа, активность которой сравнительно невелика в XIX веке, но возрастает к середине XX. К данной группе, по нашему мнению, можно отнести библеизмы-фразеологические единицы, которые были образованы на основе библейского сюжета (т.е. не прямые цитаты из Библии), и библеизмы-слова, которые входят в состав фразеологических единиц, афоризмов и крылатых выражений.

б) Группа эпиграфов-афоризмов, авторы которых политические и государственные деятели, военные, ученые и художники.

в) Эпиграфы из Библии. К данной группе исследователь относит прямые цитаты из текста Священного Писания.

г) Эпиграфы из античных авторов (Эвидия, Вергилия, Петрарки и др.), которые сейчас достаточно редки.

д) Цитаты из произведений предшественников и современников, которые являются самой большой и устойчивой группой.

е) Автоэпиграфы, представляющие сравнительно компактную группу.

2. Цитата для автора – не цитата для читателя. Один из наиболее распространенных случаев, когда автор оставил свидетельство того, что он заимствовал это выражение. Сознательная, очевидная для автора цитата для читателя таковой не является. Что касается библеизмов, то здесь стоит отметить, что лишь прямые цитирования из текста Священного Писания будут выделены кавычками, библеизмы – фразеологические единицы и библеизмы-слова, употребленные вне библейского контекста, в тексте не выделяются, поэтому для читателя, не знакомого с текстом Священного Писания, будет достаточно тяжело их увидеть.

He felt a reformed man, delivering from temptation; and the vision of his future life seemed to him as a promised land for which he had no cause to fight.

G.Eliot «Silas Marner»

Like Nebuchadnezzar of old, you have set up an image of yourself for all men to follow, a towering image, a mighty image, an image far greater than yourself.

Frank E. Peretti «Prophet»

В данных примерах библеизмы *promised land* и *Nebuchadnezzar* не выделяются формально.

3. Не цитата для автора – цитата для читателя. Один из наиболее интересных случаев, когда читатель (часто критик или ученый-литературовед) замечает какие-то языковые совпадения в произведениях двух авторов, однако не в состоянии доказать сознательность и преднамеренность заимствования. Что касается цитат из текста Библии, то, по нашему мнению, они достаточно опознаваемы в тексте и доказать сознательность и преднамеренность заимствования не представляет особого труда.

И.С. Алексеева [2] считает, что именно в художественном тексте явление интертекстуальности занимает особое место, т. к. именно в художественном тексте наблюдается наибольшая «густота» и наибольшее разнообразие функций интертекстуальных включений. Данными «речевыми стереотипами», по нашему мнению, зачастую становятся библеизмы, поскольку они не только воспроизводятся в речи в готовом виде, но и отвечают критерию оценки по перцептивной и продуктивной маркированности интертекстуальных компонентов, предложенных Г. Денисовой, т. е. 1) являются необязательными в употреблении; 2) существуют исключительно на фоне «нейтральных» высказываний; 3) сообщают высказыванию дополнительный смысл (обладают интенсивностью информационного воздействия); 4) требуют адекватного восприятия со стороны адресата. Использование библеизмов, как стереотипных цитат, основывается на чувстве принадлежности к определенной лингвокультурной общности, что придает им оттенок «универсальности».

Г. Денисова [8] выделяет следующие группы интертекстуальных компонентов:

- 1) интертексты, принадлежащие мировой семиосфере, т. е. так называемой универсальной энциклопедии;
- 2) интертексты, общие для большинства представителей определенной лингвокультуры, т. е. принадлежащие национальной энциклопедии;
- 3) интертексты, представляющие собой отличительную черту индивида, т. е. являющиеся частью индивидуальной энциклопедии;
- 4) интертексты, использующиеся как первичное средство коммуникации, которые определяются как стереотипные [8].

Из данной классификации следует, что библеизмы относятся к первой группе к интертекстам, принадлежащим мировой семиосфере, т. е. к так называемой универсальной энциклопедии, поскольку Библия переведена практически на все мировые языки и присутствует практически во всех национальных культурах. Библеизмы-слова, так же как фразеологические единицы, воспроизводятся с готовым видом и используются практически во всех мировых языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азаров А.А. Русско-английский словарь религиозной лексики/ А.А. Азаров. – М.: РУССО, 2002. – 768с.
2. Алексеева И.С. Апофеоз интертекстуальности (о переводе поэмы Тимура Кибирова «Когда Ленин был маленьким» на немецкий язык и об интертекстуальном барьере в переводе) /И.С. Алексеева // Третьи Федоровские чтения. Вып.3: материалы III Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения» 26-28 окт. 2001г. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. – С. 13-19.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика/ Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989. – 616с.
4. Верещагин Е.М. Библейская стихия русского языка/ Е.М. Верещагин/Р. Р.: сборник научных статей. – 1993. – №1. – С.90-98.
5. Гак В.Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библейскими фразеологизмами) /В.Г.Гак// Вопросы языкознания: сборник научных статей. – 1997. – №5. – С.55-65.
6. Гаспаров М.Л. Избранные статьи/ М.Л. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1995. – 477с.
7. Григорьев А.В. К вопросу об источниках библейских фразеологизмов/ А.В. Григорьев // Филологические науки: сборник научных статей. – 2007. – №1. – С.50-59.
8. Денисова Г. Интертекстуальный компонент в структуре языковой личности и в переводе/ Г. Денисова // Третьи Федоровские чтения. Вып.3: материалы III Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения» 26-28 окт. 2001 г. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. – С. 216-231.
9. Дубровина К.Н. Особенности библейской фразеологии в русском языке/ К.Н. Дубровина// Филологические науки: сборник научных статей. – 2001. – №1. – С.91-98.
10. Кабакчи В.В. Практика английского языка межкультурного общения/ В.В. Кабакчи. – СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2001. – 170с.
11. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность/ Ю.Н. Караулов. – М., 1987.
12. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка/ А.В. Кунин. – М.: Высшая школа, 1986. – 334с.
13. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка/ Н.А. Кузьмина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та – Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. – 268с.
14. Лукин В.А. Художественный текст. Основы лингвистической теории и элементы анализа/ В.А. Лукин. – М.: Изд-во Ось-89, 1999. – 192с.
15. Мягкова Л.Г. Номинативные особенности фразеологических библеизмов, называющих лицо/ Л.Г. Мягкова// Фразеологическая номинация в статистике и динамике.: сб. научных трудов. вып. 311/ – М.: Моск. ордена Дружбы Народов гос. пед. Институт иностр. яз. им. Мориса Тереза, 1988. – С. 123-133.
16. Мягкова Л.Г. Фразеологические библеизмы и их реализация в контексте/ Л.Г. Мягкова// Вопросы английской фразеологии (коммуникативный и фразеологический аспект): сб. научных трудов. вып. 287/ – М.: Моск. ордена Дружбы Народов гос. пед. Институт иностр. яз. им. Мориса Тереза, 1987. – С.56-65.

17. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка/ А.Г. Назарян. – М.: Высшая школа, 1976. – 288с.
18. Чигирева О.М. Библийская фразеология в древнерусской литературе/ О.М. Чигирева // Библия и национальная культура: межвуз. сб. науч. ст. и сообщ. – Пермь: Перм.ун-т, 2004. – С. 301-305.

А.В. Козлова *

ЭТАПЫ ОБРАЗОВАНИЯ ФИЛОСОФСКОГО ТЕРМИНА (к постановке проблемы)

The object of the article is the developing and formation of a philosophic term, its belonging to scientific or comprehensive-philosophic discourse. According to the result of the research a philosophic term is developed the same way as a scientific one, it has the same steps. In the basis of a philosophic term there is the subjective author's perception of a concept, which is kept through the whole process of the formation of a term. That is why, a philosophic term has the origin of comprehensive-philosophic discourse, but it exists in the form of a scientific one.

Определение этапов образования философского термина позволит вскрыть его языковую природу, наша заинтересованность которой обусловлена тем, что формирование понятия, его определения и подбор его знака – термина является конечной целью размышлений в науке и философии. В конечном счете, это следствие стремления исследователей к познанию сущности объекта. В подтверждение данного утверждения необходимо упомянуть высказывание П.А. Флоренского: «Суть науки – в построении или, точнее, в устроении терминологии. Слово, ходячее и неопределенное, выковать в удачный термин – это и значит решить поставленную проблему. Всякая наука – система терминов. ...все содержание науки, как таковой, сводится именно к терминам в их связях, которые (связи) первично даются определениями терминов» [17, 210-211].

Для выявления особенностей термина в философском дискурсе нам представляется целесообразным указать характерные черты данного дискурса. В.И. Карасик относит философский дискурс к личностно-ориентированному, бытийному дискурсу [5, 290]. В последнем адресат раскрывает «свой внутренний мир во всем его богатстве», который «предельно насыщен смыслами» [5, 289], служащими концептами, по мнению Р.И. Павилениса [13, 175].

В.И. Карасик выделяет один из видов бытийного дискурса и называет его смысловым переходом, композиционно-речевая форма которого есть рассуждение, «т.е. вербальное выражение мыслей и чувств, назначением которых является определение неочевидных явлений, имеющих отношение к внешнему и внутреннему миру человека» [5, 290]. Таким образом, содержанием бытийного дискурса служит проникновение в познавательные мыслительные процессы. Философия включает в себе устремленность в область запредельного, трансцендентального пространства с намерением проникнуть в самую суть изучаемых объектов [10, 90; 2, 21]. Философ «возвышается» над видимым миром, отказывая ему в абсолютности существования [15, 387].

«Важнейшей характеристикой бытийного дискурса является стремление коммуникантов к точности обозначения понятий или представлений» [6, 292]. Вместе с тем точностью обладают тексты научного дискурса [6, 278]. Данный факт позволяет отнести философский дискурс к научному дискурсу. Однако необходимо изучить специфику философского термина и определить ее соответствие специфике научного термина. Наличие стремления к точности в изложении переплетается с логичностью, так как точность достигается через логичность на пути познания, продвижения к истине.

Необходимо отметить то, что логичность может быть проинтерпретирована в терминах науки логики, которая принадлежит к объективистской традиции. Ядро объективизма выражается в следующем утверждении: «мир создан из отдельных объектов с ингерентными свойствами, причем объекты в каждый момент времени связаны между собой фиксированными отношениями» [5, 230]. Поэтому с точки зрения объективизма под логичностью подразумеваются объективные отношения между объектами реального мира, с одной стороны, и восприятием их человеком, с другой. Таким образом, логики настаивают на том, что человек воспринимает мир и объекты на основе их ингерентных свойств и не допускают возможности влияния субъективного опыта на познание окружающего мира.

В современной лингвистике преобладает эмпирический подход к изучению познания, который основывается на утверждении того, что «субъективная деятельность создает в мышлении объект. Ни один из видов представлений не образуется как чистое восприятие уже данного предмета» [4, 27]. Таким образом, познание человека сводится к его опыту взаимодействия с миром [5, 204].

Следовательно, логичность выражается в суждениях и умозаключениях, выведенных из личного опыта человека.

* © А.В. Козлова, 2006.